

Детки в клетке

1.

Есть на свете одна девочка. Ей 12 лет. Но у нее очень взрослое лицо. Лицо двадцатишестилетней девушки. У нее темные прямые волосы, чуть не доходящие до плеч. У нее большие распахнутые карие глаза и длинные-длинные, почти черные ресницы. Смуглая кожа, но очень светлые тонкие губы. В ее губах какая-то особая прелесть. И вот однажды я ее встретила.

Она ехала в метро со своими друзьями. Друзья, по всей видимости, – ее одноклассники. И им также 12 лет. Один из них светловолосый, немного сутулый мальчик. Он задорный: кривляется, шутит, смеется. Другой тихий и скованный. Он неловко улыбается и все время молчит. Они такие разные. Но у них есть одна важная общая черта – они двенадцатилетние дети, которые едут домой после школы, чтобы поесть, поиграть на компьютере, посмотреть телевизор, поругаться с мамой из-за неубранной комнаты, помучать кота. А она. Она другая. Она смотрит на них и томно улыбается. Я не побоюсь этого слова. Томно. Это звучит неправильно, но, тем не менее, эта так. Ее улыбка соблазнительна. Да. Из ее ста сорока пяти сантиметров роста на них смотрит двадцатишестилетняя девушка. И, конечно, ей кто-то нравится из них. Но они не знают. Им неважно. А когда пройдет еще года четыре, они влюбятся в нее оба. Только тогда она будет уже не здесь, не для них так улыбаться.

Есть на свете одна девочка. Ей 12 лет. Но у нее очень взрослое лицо. Лицо двадцатишестилетней девушки. У нее темные прямые волосы, чуть не доходящие до плеч. У нее большие распахнутые карие глаза и длинные-длинные, почти черные ресницы. Смуглая кожа, но очень светлые тонкие губы. В ее губах какая-то особая прелесть. И вот однажды я ее встретила. Встретила и больше никогда не видела. Но я про нее помню.

2.

Я иду по дороге вдоль Воронцова поля. На улице очень-очень сыро, и я перескакиваю через потоки воды под ногами. Передо мной идет высокий молодой человек с кепкой, надвинутой на глаза. В руках поводок – с ним огромный бульдог. Он понуро идет по лужам. Издалека нам навстречу идут мама с ребенком. Мальчишке лет шесть, не больше. И вот, когда собака и мальчик поравнялись, мальчишка устрашающе поднимает руки над головой собаки, растопыривает пальцы, словно он хочет вот-вот схватить бульдога за прижатые уши, и начинает рычать. Как медведь (в моем понимании медведи рычат именно так, как рычал мальчишка). Собака останавливается, будто в нерешительности. Хозяин тоже стоит. Мама хватается за руку, бормочет тихое «извините» и, потянув маленького героя за собой, уводит его с места триумфа. Хозяин лениво кидает собаке свое «пошли», и пес

трогается. Он все также понуро бредет по воде. Я иду за ними, оглядываясь на мальчика с мамой. И я слышу далекий смех мальчишки. Смех победителя.

3.

Я в Звенигороде. Еле нашла автобус, который мне нужен. Ко мне подходит кондуктор, я спрашиваю, сколько стоит билет до Солнечной Поляны. Расплачиваюсь. Передо мной сидит мужчина лет шестидесяти, с ним мальчик десяти лет. Сначала я подумала, что это его дедушка, или он поздний ребенок, и это его отец. Но нет, видимо, это сосед или просто знакомый родителей. Мальчишка болтает без устали всю дорогу. Он знает, что я внимательно его слушаю, хотя, в отличие от мужчины, я не задаю вопросов, только улыбаюсь. Рассказывая очередную историю, он смотрит то на меня, то на своего попутчика, обращаясь, таким образом, к нам обоим. Особенно мне понравилась история про пиявку. Он долго-долго рассказывал, как к нему «присоска присосалась», и он думал, что «все хана», но «пацаны сказали, что она сама сейчас отцепится», и он «как-то сразу успокоился». Мы все смеялись над этой его присоской. Пиявка же! А он все гнет свою линию: присоска да присоска. Потом он как-то засуетился – скоро выходить. И тут он ко мне обратился:

- Вы сейчас пока сидите, а потом выходите. Солнечная Поляна следующая.
- Хорошо. Я так и сделаю.
- Там будет дом, потом еще дом, потом еще дом, ну потом еще, наверно, штук 10 домов.

Тут вмешивается мужчина:

- Да Вы не переживайте, просто Ваша следующая. Там и выйдете.
- Да я и не переживаю. Я уже здесь была, но давно. Я плохо помню.
- Ааа, значит, уже были – многозначительно протягивает мальчик.
- Ну... Да, была, - отвечаю я.
- А Вы Артема помните?
- Артема?? Какого еще Артема? Нет, никого не помню, – отрицательно качаю головой.
- Как не помните?! А говорите, что были... Значит, не были, – грустно говорит мальчик.
- Да я была! Просто не понимаю, про какого Артема мы говорим!

Вот тут мальчишка начинает смеяться, да так славно, что даже немного начинает икать. Мужчина улыбается и говорит, чтобы я не обращала внимания на мальчика. Просто выходила на следующей, и все. Двери автобуса открываются. Мальчик и мужчина выходят. Мальчишка подбегает к моему окну, встает на цыпочки, прикладывает руки к стеклу и кричит: «Артем – это трактир такой! А Вас легко запутать», – и отбегает. Автобус отъезжает, я смеюсь и машу рукой моим недавним собеседникам.

Хороший мальчишка. Добрый такой.